РЕЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2005

Т.В. Чумакова

Вполне естественное для христианства первоначальное неприятие идей Аристотеля, особенно в случае их противоречия догматам, не могло предотвратить постепенной частичной конвергенции христианской и аристотелевской традиций[1]. Уже в средние века сближению этих традиций способствовало активное использование произведений арабских и еврейских философов, которые прибегали к неоплатонической интерпретации Аристотеля.

В Западной Европе Аристотель до XII века был известен преимущественно по переводам и комментариям Боэция, о котором Кассиодор писал: "Благодаря тебе… теолог Платон и логик Аристотель спорят на наречии Квирина"[2]. Уже из этого фрагмента Кассиодора видно, что Аристотель в этот период воспринимался в Европе прежде всего как логик. Но с XII века философа Древней Греции начинают активно переводить как с арабского, так и с греческого, и ученому сословию Европы становятся доступны его естественнонаучные, этические и метафизические труды. Активная "христианизация", предпринятая доминиканцами Альбертом Великим (1200–1280) и Фомой Аквинским (1225–1274), сделала Аристотеля главным философом Европы на все времена. Распространению аристотелизма в Европе способствовали университеты, и неслучайно их расцвет в средние века совпал с жадным интересом к философии Аристотеля.

Что же касается восточно-христианской традиции, то в отличие от западной апологетики, которая не принимала Аристотеля в первые столетия христианства, восточные отцы церкви, в частности каппадокийцы, желая разрешить загадку "слияния неслиянности" души и тела человека[3], активно использовали его идеи. Синтез аристотелизма и христианства в восточной церкви был успешно осуществлен Иоанном Дамаскиным (675–750), труды которого сыграли значительную роль в формиро-

ия Русь узнала об античных философах после принятия христианства.

Проблема античного наследия в древнерусской культуре изучена достаточно подробно, хотя мнения исследователей о роли античности и степени ее восприятия в древнерусской культуре несколько расходятся[4]. Многое объясняется тем фактом, что в древнерусскую культуру памятники античной мысли попадали опосредованно. Медиаторами при этом выступали Византия, Болгария, Западная Европа. Но основным источником гуманитарных знаний в первые века христианизации для Руси стала Болгария. Именно в Болгарии в период ее расцвета, который по большей части пришелся на правление царя Симеона, осуществлялся перевод основного корпуса христианской литературы с греческого языка. Царь Симеон (893–927), воспитанник одной из лучших византийских школ, был, по свидетельствам современников, знатоком учения Аристотеля. Однако именно этому блестяще образованному знатоку античных философов славянские страны, входившие в состав византийского культурного макрорегиона, обязаны распространением в них так называемого "монастырского" типа образования. Его характерными чертами были отказ от классической образованности, индивидуальный способ передачи информации от учителя к ученику (который повлек за собой фактический отказ от "школьной" традиции изучения философии и богословия) и примат религиозно-учительной литературы над светской. Очень типичен в этом отношении составленный в Болгарии по заказу царя Симеона "Изборник 1073 г." Эта энциклопедия привлекает "своей изощренностью и умелым перенесением на славянскую почву богатой и утонченной греческой теологической, философской и научной терминологии"[5]. Она содержит довольно много упоминаний об античных философах, в том числе и об Аристотеле, но не включает статьи современных авторов, комментаторов Аристофана, Менандра, Аристотеля и Платона.

В результате внедрения в русскую средневековую культуру "монастырского" типа образования, а также под влиянием многих других факторов (отсутствие на Руси классической образованности, особенности политического и культурного положения, "двоеверие" и т.д.)[6] на Руси складывается особый тип культуры, отличный как от византийской, так и от западноевропейской. Почти самодостаточный, обращенный скорее внутрь себя, чем вовне, он был более склонен к интуитивному, "сердечному" познанию, нежели к интеллектуальному, к которому прибегали лишь с прагматическими целями (борьба с еретиками, хозяйственные и политические нужды). Такой тип знания не нуждается в университетах, ведь их на Руси никто не запрещал, но никто и не пытался основать. Различные школы (новгородская школа кн

[3] Об антропологии каппадокийцев см.: Гарнцев М.А. Антропология в византийской мысли: К характеристике концептуальной парадигмы // Логос. М., 1991. Вып. 1.

[4] См., напр.: Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1993; Зубов В.П. К истории аристотелевской традиции на Руси // Зубов В.П. Аристотель. М., 1963. С. 332–349; Перетц В.Н. Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв. // Гермес: Научно-популярный вестник древнего и нового мира. 1917. Т. 2; 1919. Т. 23; Ryan F.J. Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia // Pseudo-Aristotle in the Middle Ages. The Theology and other texts. L., 1986. P. 97–109; Thomson F.J. The reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia. Farnborough, 1999; и др.

[5] Якобсон Р. Основа сравнительного славянского литературоведения // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 50.

[6] См., напр.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 434–440.

[7] Стремление некоторых современных авторов рассматривать школы, в частности школу братьев Лихудов в Новгороде, как университеты автору публикации представляется не обоснованным.

преследовали в основном практические цели, прежде всего изучение языков. С этой же целью с XV века в Европу отправляли русских студентов, которые затем выполняли дипломатические миссии или служили переводчиками.

Первые упоминания об Аристотеле появились на Руси с первыми книгами (начало XI века). Среди них были не только славянские переводы, но и книги на языках оригиналов (греческом, латинском, древнееврейском), часть из них переводилась. Характер этих переводов был таков, что сочинения порой значительно изменялись, в них вносился новый смысл, а иногда переводчиками и редакторами даже добавлялись новые фрагменты. Впрочем, данное обстоятельство характерно для любой культуры. Г.Х. Гадамер отмечал, что "переводчик переводит не только на другой язык, но и приноравливает текст к особенностям иной культуры, переносит подлежащий пониманию смысл в тот контекст, в котором живет данный участник беседы… Поэтому всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования"[8]. Процесс усвоения и переработки Русью культурного достояния, накопленного христианским миром, проходил чрезвычайно быстро. Уже в ранних памятниках книжности появляются тексты с обособленной философской проблематикой[9].

Характер отношения древнерусских книжников к античной философии во многом определялся особой трактовкой предмета и задач философии. Среди различных дефиниций философии, которые можно обнаружить в памятниках древнерусской книжности, наибольшее распространение получило определение Кирилла (Константина Философа): "Понимание вещей божественных и человеческих, чтобы приблизиться человеку к Богу, насколько это возможно, и научиться через добродетели

Аристотель представляет свою рукопись Александру Македонскому Иллюстрация из манускрипта: Aristotle "Le Livre des Secrets" (Аристотель "Тайная Тайных") 1470. Париж, Национальная библиотека

…ию своему"[10]. Здесь философия явно воспринимается как му-
…рость, а истинные философы – как мудрецы, цель которых –
…лагочестивая жизнь. Различие это часто подчеркивается в
…роизведениях Максима Грека. "Время бо уже есть обратити
…ро то на познание благочестия, а не яко же кичят аристоте
…тии философи, но предлагая догматы честныя и простыя
…тины, не в помышлениих ложных и образованиих геомет…

[10] Пространное житие Кирилла // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX XVIII вв. / Пер. с болг… М., 1990. С. 112

лече заблудиша"[11]. Фактически его слова повторяют популярную в средневековье цитату из Иоанна Златоуста: "По-настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уже хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом, и делом"[12].

Однако не только приоритет мудрости над философией препятствовал распространению аристотелевской философии в восточнославянских землях, но и тот факт, что активными приверженцами аристотелизма были главные противники православия – католики. "Тем же убо и латыном подобаше, аще неболшую веру и честь богодухновенным божественым евангельским словесем праведно нещуют воздаяти, но елико имеют к первым глаголом от них удивляемаго Стагирита, глаголю же Аристотеля"[13], – писал Максим Грек, выступивший против использования трудов античных философов для изучения Святого Писания, как это делали его современники-гуманисты, в частности испанский философ XVI века Х.Л. Вивес в комментариях к августиновскому "De civitate Dei" ("О граде Божьем"). Это связано с характерным для восточнохристианской традиции разделением философии на "внутреннюю" (богословие) и "внешнюю" (силлогистическая, аристотелевская философия). "Внутренняя" философия обращена "на познание благочестия" и рассматривает "догматы честныя и простыя истинны", а "аристотельстии философи" в своих "помышлениихъ ложных и образованиих геометрийских"[14] (в послании Федору Карпову Максим Грек называет их также "внешним диалектическим ведением"[15]) уводят от истины. "Богодарованная" философия – это путь, которым шли праведники. Они, в отличие от "латынян" и их подражателей – "иосифлян", познают Бога "верою токмо". "Художество" и прочие "мудрствования" – лишь "внешнее учительство", но и оно нужно, поскольку является подготовкой к истинному познанию. Поэтому Максим Грек не отрицал необходимости знания античной философии, о чем говорит его обращение к авторитету философии в критике астрологии: "Ниже Сократ, ниже Платон, ниже Аристотель, мнящеися честнейши и истиннолюбнейшии еллинских философов..."[16]

Отношение к философии Аристотеля и других античных мыслителей в России меняется лишь в конце XVI века – из врагов православия и язычников они превращаются в "стихийных христиан". Отныне их называют "мудрецами", а не "лукаво мудрствующими". О перемене в восприятии античной традиции говорит и тот факт, что в XVII веке образы античных "мудрецов" появляются в русских церквах[17].

• Знали ли на Руси о существовании философа Аристотеля? Да, несомненно. Крайне редко какой-либо сборник изречений или историческое сочинение обходились без упоминания его имени.

• Читали ли древнерусские книжники произведения Аристотеля? В пользу этого говорят ссылки на конкретные работы Аристотеля, в частности на "Никомахову этику" в послании Федора Карпова митрополиту Даниилу. С трудами Аристотеля был знаком Андрей Курбский (правда, это знакомство состоялось, скорее всего, уже за пределами Руси). В XVII веке в своих библиотеках их имели царь Михаил Федорович, боярин А.С. Матвеев, ...М. Голицын, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев ("две книги на польском языке Аристотелевы"[18]), Стефан Яворский, Феофил Кролик, Гавриил Бужинский. Произведения Аристотеля читали переводчики Епифаний Славинецкий и Николай Спафарий. Труды величайшего философа Древней Греции хранились в Патриаршьей и Типографской библиотеках, в библиотеках Посольского и Аптекарского приказов[19], а значит, с ними могла быть знакома еще какая-то часть русских читателей.

Русские студенты могли познакомиться с работами Аристотеля в немецких университетах, а также в Краковском университете. Реституция этого польского университета в 1399 году сделала возможным преподавание на самом высоком европейском уровне, и там достаточно активно изучались латинские переводы Аристотеля, в частности трактат "De anima" ("О животных")[20]. Кроме того, в Краковском университете в XV веке была очень популярна "Philosophia pauperum" ("Бедненькая философия") – ...вод текстов Аристотеля и Альберта Великого[21]. Но еще ближе к России находились киевские учебные заведения, которые для русских студентов стали еще более доступны после воссоединения в середине XVII века Украины с Россией. В основе их учебных курсов лежали методические приемы иезуитов[22]. Так, среди философских систем преподаватели Киево-Могилянской академии отдавали явное предпочтение аристотелианству с явным привкусом томизма. Они пользовались латинскими комментированными переводами трудов Аристотеля, изданными Коимбрским иезуитским колледжем ("Commentarii Collegii Conimbricen-...). То же самое можно было наблюдать и в основанной в ... году в Москве Славяно-греко-латинской академии, где чи... братья Лихуды, получившие образование в Падуе. Впрочем, ...только для России XVII века, но и для Запада это издание бы... аристотелевской энциклопедией, в которой филологический ...ментарий дополнялся историко-филологическими экскурса... Так, коимбрское издание "Физики", комментированное во второй половине XVI века Эммануилом де Го, переиздавалось в ...II веке неоднократно. До нашего времени дошли два древне... их перевода этого издания[23]. Вот понятный по смыслу ...гмент одного из них: "А Иераклит [Гераклит] прозванием ... един от древних философов, о немже памят

[18] Прозоровский А. Сильвестр Медведев // ЧОИДР [Чтения в Обществе истории и древностей Российских]. М., 1896. Кн. 2. С. 115.

[19] См.: Книга в России в XVII в. Л., 1970; Сапунов В.В. Античная литература в русских библиотеках XVII в. и московское барокко // Русские библиотеки и их читатели. Л., 1983. С. 73–80.

[20] См., напр.: Kuksewicz Z. Głowne źródla "Komentaza do De anima" Jana z Głogowa. Warszawa, 1963.

[21] См.: Korolec J. Filozophia moralna. Wroclaw, 1980.

[22] См.: Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской Академии. Киев, 1982; Vucinich A. Science in Russian Culture. A History to 1860. L., 1965. P. 10–37.

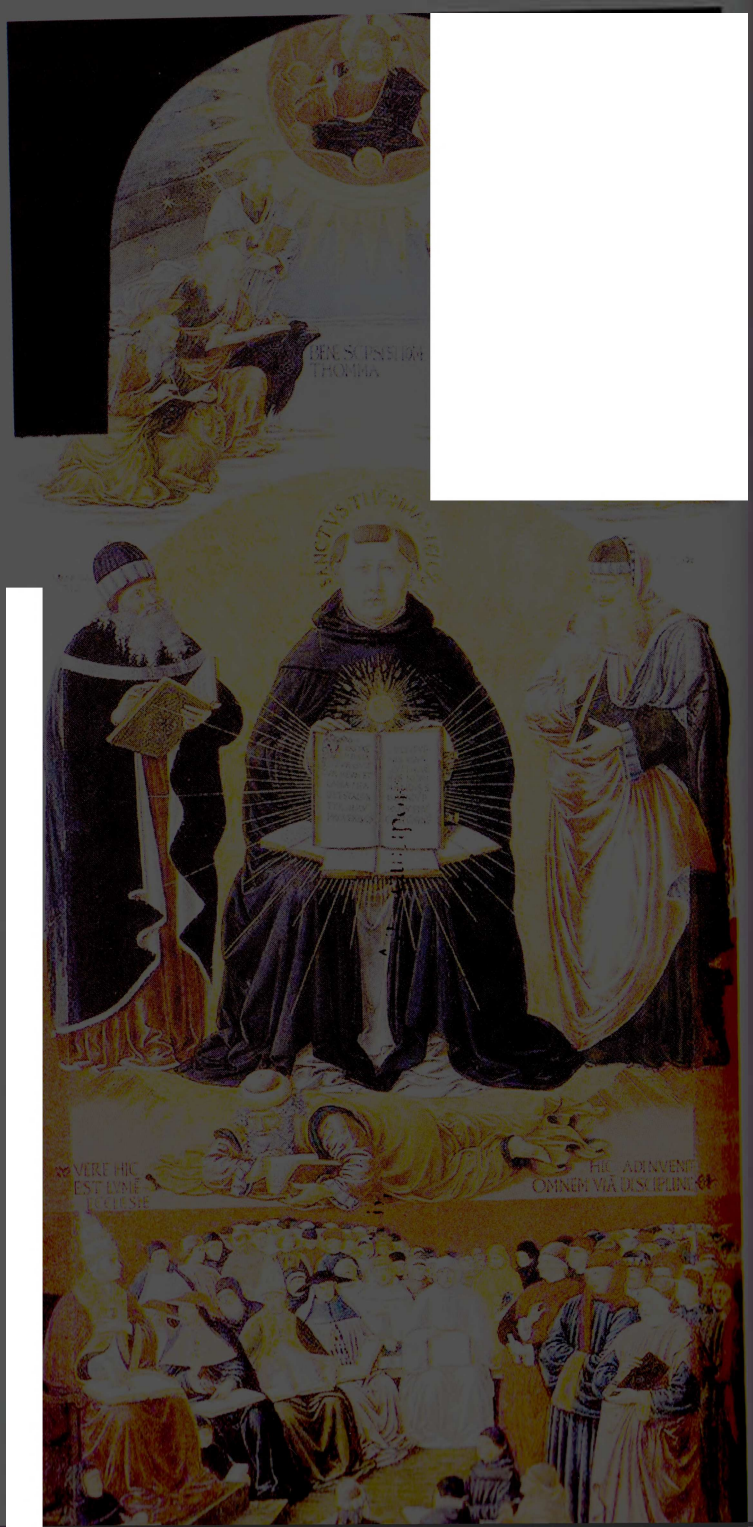
[23] Подробнее см.: Зубов В.П. "Физика" Аристотеля в древнерусской книжности // Изв. АН СССР. VII серия. Отд...ние общества наук. 1934. № 8. С. 635–652.

Демокрит рыдаше; яко иному вся, яже чиним, злострадания, иному грубость видяхуся..."[24] Но если говорить о переводах в целом, то все же смысл их не всегда ясен, и читатель одного из списков на листе 84 приписал: "Много преписующими наглупствовано"[25].

Что же касается переводов с греческого языка, то о них нельзя ничего сказать точно. В XV–XVI веках в России знатоков греческого языка практически не было; гораздо проще дело обстояло с латинским, который был необходим для внешнеполитической деятельности. Максим Грек, специально вызванный из Ватопедского монастыря на Афоне (территория Греции) в Русское государство в качестве знатока греческого, был вынужден общаться со своими русскими коллегами на латинском языке. (Столь прохладное отношение к языку восточнохристианской патристики в стране, входившей в зону влияния византийской цивилизации, объясняется тем, что на Руси не столь много переводилось с греческого, да и огромная доля византийского культурного наследия попадала сюда через Болгарию, где вплоть до турецкого нашествия шла активная переводческая работа. Изучение греческого языка было основной заботой тех, кто ратовал за создание специальных переводческих школ, подобных школе Федора Ртищева.) Исследователи считают, что Федор Карпов использовал сочинения Аристотеля не в греческом, а в латинском переводе[26] и, скорее всего, пользовался работами западных аверроистов[27]. Именно латинские переводы Аристотеля были и в коллекциях русских книголюбов. Так, в уже упоминавшейся коллекции А.С. Матвеева хранилась книга "Аристотель. Малые натурфилософские произведения (с объяснениями Скота)" (Краков: Изд. И. Халлера, 1517)[28], а в сборнике, составленном в скриптории Афанасия Холмогорского, имеются выписки из "Книги десятой нравов" ("Этика" Аристотеля) на славянском, греческом и латинском языках[29]. Первые переводы произведений Аристотеля ("Физика" и "Экономика"[30]), сделанные во второй половине XVI века, были переводами с латинского и польского языков, да и то чаще всего это были переводы не самого Аристотеля, а комментированных латинских переводов или переложений. Первый перевод с греческого "Аристотеля о гражданском учреждении, книга II" (вторая книга "Политики") был опубликован только в 1757 году[31].

• Была ли известна в сколько-нибудь целостном виде философия Аристотеля в Древней Руси до начала европеизации, то есть до XVII века? Нет. Труды Аристотеля были известны фрагментарно. Однако эти фрагменты были щедро рассыпаны по популярным среди древнерусских книжников сочинениям. Во-первых, ссылки на Аристотеля и на его натурфилософские сочинения постоянно встречаются в "Шестодневах". Их составители были вынуждены, толкуя первую книгу Бытия, обращаться к наиболее авторитетным в античном мире натурфилософским сочинениям — трудам Аристотеля. Наиболее поздние натурфилософ

Аристотель
Иллюстрация из рукописи Аристотеля
Этика. Политика и экономика"
1393 Италия


DEUS SUPER OMNIA
THOMAS
SANCTUS THOMAS DOCTOR VERUS
VERE HIC EST LUMEN ECCLESIE
HIC ADVENIENTI OMNEM VIAM DISCIPLINE

Рембрандт

Аристотель, размышляющий перед бюстом Гомера

1653

Дружба

Миниатюра из рукописи Аристотеля «Никомахова этика»

Ок. 1500. Италия

Аристотель, обучающий юного Александра Македонского
Иллюстрация из латинского манускрипта XIV века

Аристотель представляет свою рукопись Александру Македонскому
Иллюстрация из манускрипта:
Aristotle "Le Livre des Secrets" (Аристотель "Тайная Тайных"). 1470
Париж, Национальная библиотека

Изображение Максима Грека
Фрагмент росписи алтаря Софийского собора
в Вологде. 1686–1688

[illegible] т.н. "Проблемата Аристотеля о частях человеческого тела" — это польская переделка средневекового псевдоаристотелевского трактата "Problemata Aristoteles", созданная Андреем из Кобылина и впервые изданная в 1535 году[32]. Во-вторых, это сборники изречений[33] — флорилегии; наиболее популярным флорилегием на Руси была переведенная с греческого "Пчела". В-третьих, это историософские сочинения, которые порой описывали не только историю человечества, но и устройство мироздания, по сути являясь энциклопедиями. Их авторы, рассуждая о дохристианском мире, вспоминали Аристотеля с Платоном прежде всего как монотеистов, предсказавших приход Спасителя. В-четвертых, это собственно аристотелевские сочинения. Хотя сам древнегреческий философ часто упоминался как еретик, его произведения в Русском государстве были источником знаний о праве, нравственности и о жизни тварного мира. В Западной Европе дискурс власти начиная с XIII века во многом основывался на аристотелевских сочинениях, комментированных Ибн Рушдом[34]. Западная Европа открыла для себя аристотелевскую "Политику" в 1260 году, и ее идеи стали "антидотом" абсолютистским доктринам римского права и папистским канонам законности. Последователи Аристотеля рассматривали государство как естественную для общественной природы человека форму существования, основной функцией которой является достижение счастливого существования общества[35].

Благодаря сохранившимся описаниям книжных собраний нам известно, что наибольшее распространение аристотелевские сочинения в России получили в среде "власть имущих" – князей светских и князей церкви. Обращаясь к ним, Симеон Полоцкий писал:

Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати
Аристотеля книги потщися читати
Он разнствие обою сие полагает:
Царь подданным прибытков ищет и желает.
Тиран паки прижитий всяко ищет себе,
О гражданстей нимало печален потребе[36].

По книгам, которые приписывались Аристотелю, князья учились не только подбирать свое окружение и править, но и вести правильный образ жизни. В "Сказании об Аристотеле", входившем в состав книги "Врата Аристотелевы", значительная часть отведена рассказу о том, как "еллинский" философ контролировал свой сон, сокращая самую глубокую его фазу с помощью медного яблока, которое падало в "умывальницу" и "буди яко не хотяи сна. И то была мера времени сна его"[37]. Упоминание об Аристотеле здесь не случайно. Именно со времени обращения европейских схоластов к Аристотелю, чьи трактаты о снах ("О гадании по снам") стали широко известны благодаря трудам Альберта Великого и Фомы Аквинского, в источниках отмечается возрастание упоминаний о сновидени-

[31] Перевод, сделанный Г.А. Полетикой, был опубликован в журнале "Ежемесячные сочинения". Кстати, переводы этой книги Аристотеля запрещались в России уже в XIX веке. В "Общем алфавитном списке на французском языке запрещенной иностранной цензурой безусловно и для публики с 1815 по 1853 гг." (СПб., 1855) под № 106 значится "La morale et la Politique d'Aristote" (2 vols. P., 1824).

[32] См.: Andrzej z Kobylina. Gadki o skladnosci czlonkow czlowieczych. Krakow, 1893.

[33] См.: Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследования и тексты. М., 1904.

[34] См., напр.: Renna Th. Aristotle and the French monarchy (1260–1303) // Viator. Medieval and Renaissance Studies. Berkeley; Los Angeles. 1978. P. 309–314.

[35] См.: Baszkiewicz J. Panstvo suwerene w feodalnej dktrynie. Warszawa, 1964; Lagarde J. De. La naissance de l'esprit laique au declin du Moyen Age. T. 2. P., 1948.

[36] Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 18.

[37] Цит. по: Сперанский М.Н. Аристотелевы врата или Тайная Тайных. СПб., 1908. С. 240.

ях[38]. В XII веке тема сновидений перестает быть опасной, и сны воспринимаются чаще как божественное откровение, нежели дьявольское наваждение. А еще лет через 200 начинается настоящий бум сонников ("Лунные сонники", "Сонник Давида"[39]); судя по различным источникам, в том числе и по индексам "отреченных" книг, эти произведения были известны и на Руси. [Примечательно, что "отреченные" книги были популярны в Древней Руси, но если апокрифы были в ходу уже с XI века, то основная масса эзотерической литературы ("Трепетники", "Молниянники", "Громовники", "Коледарники" и т.д.) стала поступать сюда в XV веке, чему способствовало увеличение контактов с Западом, а также все возрастающий интерес к тайнам телесного мира.] Вообще для арабской и латинской традиций было характерно представление об Аристотеле как о знатоке тайных знаний (в эзотерических трактатах его имя часто соседствовало с именем Гермеса)[40], что, впрочем, вполне вписывалось в средневековое представление о мудреце.

В России, как и на Западе, большое распространение получили псевдоаристотелевские сочинения. К ним относят сочинения, приписываемые традицией Аристотелю, но на самом деле созданные анонимными авторами в средние века, когда множество произведений приписывались какому-нибудь известному философу, богослову или святому (хорошо известны сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, Псевдо-Беды, а также множество сочинений, атрибутируемых Альберту Великому). Например, ни европейцы, ни арабы долгое время не знали аристотелевскую "Политику", но среди них была очень популярна псевдоаристотелевская "Книга политики", известная также как "Тайна тайн" ("Тайная тайных") или "Врата Аристотелевы". Начальный текст книги сложился на Востоке в VIII–X веках[41], в России она стала известна с XV века[42]. Книга была широко известна и в Западной Европе. Возможно, ее использовал в своей работе над трактатом "Государь" Н. Макиавелли, поскольку отдельные фрагменты этих произведений имеют несомненное сходство[43].

Прямое или косвенное цитирование на Руси встречается со времен правления (1547–1584) Ивана Грозного. В посвященной проблемам власти "Большой челобитной" Ивана Пересветова цитируется "мудрость греческих философов и латин-

“Сказании о Магмете-салтане”[44], где постоянно встречаются цитаты из “Тайной Тайных”, повествуется о Мухаммаде II – покорителе Византии, который “был философ мудрый по своим книгам по турецким, а се греческия книги прочел, написавши слово в слово по-турецки, ино великия мудрости прибыло у Магмета царя”[45]. Действительно, Мухаммад читал Платона, Аристотеля и исторические труды, считался знатоком античной литературы. Именно из нее черпал он знания по управлению государством. Пересветов в своих сочинениях особо указывает на необходимость укрепления власти государя, усиления его контроля над знатью и улучшения положения армии. “Грозу” и “правду” Магмета-салтана он рассматривает как положительные качества, в отличие от погубившей Византию кротости императора Константина XI Палеолога. Хорошо был знаком с “Тайной тайных” и Иван Грозный. В “Первом послании А.М. Курбскому” он пишет: “Кто убо и желает таковаго ефиопскаго лица видети? Где же убо кто обрящет мужа правдива и зыкры [голубые] очи имуща? Понеже вид твой злохукавый и твой нрав исповедует!”[46] В физиогномической части “Тайной Тайных” Аристотель прямо предостерегает правителя: “Стережися всякого, имуще око зекро”[47], – поскольку светлоглазые (сероглазые или голубоглазые) люди считались ненадежными помощниками. Впрочем, и оппонент Грозного – Курбский, скорее всего, опирался на этот памятник в своих рассуждениях о государственном правлении.

Не была забыта “Тайная Тайных” и в конце XVII века, об этом свидетельствует ее цитирование в переписке царя Алексея Михайловича[48], да и в “Соборном уложении 1649 года” ощущается влияние ее идеи о равенстве всех перед законом, необходимости выдвижения правителем незнатных людей, которые будут ему обязаны всем, использовании торговцев и иностранцев в качестве шпионов[49]. В древнерусских рукописях это псевдоаристотелевское сочинение именуется “Аристотель премудрый”, “Книга, нарицаемая тайны”[50], а также “Врата Аристотелевы” (впрочем, “вратами”, скорее всего, называлась гадательная вставка, входившая в состав древнерусских списков “Тайной Тайных”, и именно эта вставка была под запретом; само же сочинение на Руси никогда не запрещалось). Как считает большинство современных исследователей, древнерусская версия “Тайной Тайных” восходит к краткой редакции арабского оригинала VIII–X веков через еврейский перевод XII–XIII веков аль-Харизи. Об этом говорят еврейские слова, встречающиеся в русском тексте, обозначения дней недели (что характерно для еврейских текстов), деление не на главы, а на врата [деление на врата встречается в “Логике” Моисея бен Маймона (1135–1204), еврейского философа, известного в средневековой Европе как Маймонид, творившего в арабоязычной Испании]. Перевод сочинения на древнерусский язык, по мнению современных специалистов, был осуще-

[42] См.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV–XVI вв. М., 1960. С. 348.
[43] См.: Игнатенко А.А. Интрига в арабо-исламской культуре эпохи средневековья (по материалам “княжьих зерцал”) // Политическая интрига на Востоке. М., 2000. С. 103–143; Ryan W.F. The Secretum Secretorum and the Muscovite Autocrasy // Pseudo-Aristotle. The Secret of Secrets. Sources and influences. L., 1982. P. 118.
[44] Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая пол. XVI в. М., 1984. С. 602–625.
[45] См.: Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956.
[46] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 43.
[47] Цит. по: Сперанский М.Н. Аристотелевы врата или Тайная Тайных. С. 175.
[48] См., напр.: Барсуков А. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4. С. 422–423.
[49] Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 68.
[50] См.: Буланин Д.М. Тайная Тайных // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 427–430.

из Испании. В России не существовало в это время большой еврейской общины, но она была значительной в Польско-Литовском государстве. Польша и Литва отличались религиозной терпимостью, и там находили прибежище сторонники различных христианских конфессий, а также иудеи и мусульмане. Очевидно, именно в этом государстве и осуществлялись известные нам по древнерусским спискам переводы "Логики" Маймонида, "Шестокрыла" и других книг. Возможным переводчиком "Тайная Тайных" был Авраам Ребичкович – крещеный еврей, который жил в Литве в начале XVI века.

Как от западноевропейских, так и от еврейских вариантов[52] древнерусские списки отличаются рядом особенностей. Так, в древнерусские списки включена вставка о лечении коня Александра Македонского – Буцефала, они предваряются "Сказанием о сотворении книги сея", ономантической вставкой из "Мучения Дмитрия Солунского" (В. Райэн считает, что наличие этой вставки говорит об интересе к оккультным наукам на Руси: восприятие "Тайной тайных" как гадательной книги подтверждает и тот факт, что ее списки в рукописях часто объединяются с "Планетниками", "Громниками" и другими гадательными книгами[53]). Некоторые списки (в том числе и список, опубликованный М.Н. Сперанским) заканчиваются "Сказанием о еллинском философе, о премудром Аристотеле", которое представляет собой переработанный и сокращенный перевод жизнеописания Аристотеля, сделанный Диогеном Лаэртием. Еврейского перевода Диогена Лаэртия не существовало, следовательно данная вставка – перевод с греческого либо с латыни[54]. "Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле" достаточно точно передает полумифический образ древнегреческого мудреца – знатока правильной жизни и воспитателя невероятно популярного на Руси "объединителя Вселенной" Александра Македонского: "При Аминфе царе макидонстѣ бысть еллинскии философ Аристотель Премудрый, учитель Александра царя макидонскаго, ученик же бе Платона философа Еллинскаго. Иже всех преизыде в научении платонски учениковъ премудростию и разумом и всякими философскими и риторьскими учении и наказании, любим же бе и знаем Аминфием царем для премудрости и разума его. Бе же сей Аристотель премудрый от страны стагеритския. Отца же богата и славна мужа именем Ничемача"[55].

Согласно открывающему трактат "Сказанию о сотворении книги сея", он написан Аристотелем для Александра Македонского, который "впал в гордыню" и "уклонился от добродетели". "Сказанием", как это часто делалось в древнерусских поучениях, сразу "задаются" социальный статус предполагаемого читателя и логика построения произведения. Это учебник по социальной адаптации. Из трактата можно узнать, что могло интересовать царственного читателя того времени. Прежде всего это рекомендации по управлению государством. Помимо темы власти, составитель "Тайной Тайных" рассматривал проблемы самовластия,

...ин Д.М. ...Русь: Исто... ...кой перевод... ...дожественной ...туры. В 2 т. ...1995. С. 59.
...ские вари... ...Тайных" ...M. The He... ...sion of the ...um Secre... ...of the Royal ...(L.). 1907.
...ин В. ...ский пере... ...жизнеописания ...Диогена ...Slavia ...1968. Roc. 37. ...349–355.
...по Сперан... ...Аристоте... ...или Тай... ...ных. С. 240.

[illegible]
целом с пневматологическими концепциями[56]. Пневматология оказалась одной из тем древнерусской традиции, почерпнувшей ее теоретические основы из произведений отцов церкви[57], а также из произведений последователей Галена. С этим учением связана и физиогномика, также восходящая к трудам Аристотеля. Весьма популярная в эпоху античности, она не была забыта и в средние века[58]. Возможно, этому способствовал и тот факт, что отцы церкви, в частности Немезий, епископ Емесский (трактат "О природе человека"), интересовались физиогномикой. Они исходили из следующего: поскольку душа и тело связаны, то и движения души связаны с жизнью тела, а духовность – с телесностью; определенные сочетания стихий создают не только внутренний, но и внешний облик человека, так как образуют определенный психосоматический тип. Знание физиогномики в ту эпоху считалось важным для властителя, который должен был уже по одному внешнему виду определять человеческие качества своих подданных.

* * *

Судя по тому, что можно обнаружить при беглом обзоре древнерусских источников, восприятие Аристотеля в древнерусской культуре было обусловлено спецификой понимания философии как мудрости, а также особенностями трансляции античной культуры, которая происходила опосредованно, в результате чего отечественные книжники преимущественно получали уже готовые славянские переводы либо использовали комментированные латинские переводы и сборники афоризмов. В отличие от Западной Европы, где нужды догматики и богословия способствовали развитию аристотелизма, в России, где догматика не развивалась вплоть до XVI века, произведения Аристотеля интересовали лишь очень узкий круг образованных людей, знакомых с философом древности, возможно, по греческим подлинникам либо латинским переводам. Это были работы натурфилософского характера, сочинения по практической философии (морали и праву); метафизические и логические сочинения не пользовались популярностью у русского читателя. Основную часть книг, известных на Руси как аристотелевские, на самом деле составляли работы анонимных авторов, приписываемые Аристотелю, но в этом Россия не отличалась от Западной Европы, где такие работы также имели широкое хождение. Эта литература, как и латинские переводы Аристотеля, стала активно поступать в Россию с XVI века, и уже в следующем столетии редко какая серьезная русская библиотека обходилась без латинского перевода Аристотеля или его польского переложения.

[56] Пневматология – учение о жизненном духе (πνεῦμα), который притягивается легкими человека, переходит в кровь и, распределяясь через нее по всему телу, способствует течению психофизиологических процессов. Отцом учения считают Аристотеля. Разработано оно стоиками, а научно оформлено Галеном (II век н.э.), чьи труды прочно вошли в медицинский обиход средневековья. Подробнее см.: Терновский В.Н. Клавдий Гален и его труды // Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. М., 1971. С. 1–29.

[57] О пневматологии отцов церкви см., напр.: Владимирский Ф.С. Антропология и космология Немезия, епископа Емесского в их отношении к древней философии и патристической литературе. Сергиев Посад, 1912.

[58] Подробнее см.: Evans E. Physiognomics in the Ancient world // Transactions of the Am. Philos. Soc. 1969. Vol. 59. P. 5.